

Послѣ побѣды

(На поляхъ битвы подъ Варшавой).

За два дня мы (я съ двумя товарищами) отыскали все важнейшія пункты боевъ подъ Варшавой. Всяду была одна и та же картина: несчетные огни въ вышкахъ и въ доли мессе; вѣсны сооруженныя формы для артиллеріи, окруженныя колючей проволокой; мильоны разстрѣлянныхъ патроновъ, засыпавшихъ почву, словно выпавшій мѣдный градъ; разрушенныя или поврежденныя снарядными стрелами и пущенными деревьями; трупы лошадей, а иногда и человѣчскія тѣла, вдуція погребенія; ряды свѣжыхъ крестовъ надъ братскими могилами. Все свидѣтельствовало, что раздѣль борба была одинаково жестокой и упорной.

Но тѣмъ же деревнямъ мнѣ случилось пробрѣсть недѣли двѣ назадъ, при самомъ началѣ наступленія вѣнцевъ. Со мной величавыя сооруженія мѣстами совершенно измѣнили пейзажъ. Пряміи однообразныя гряды или нивы замѣнились странно изогнутыми, словно изрѣзанными полями. Можно было только удивляться той энергіи и тѣлу напряженно, которая могла въ короткое время выкопать все эти канавы, возвести все эти валы, укрѣпить все эти склады. Думалось о томъ, что сейчасъ мильоны рукъ роютъ землю отъ Балтійскаго моря до Барпата и отъ Атлантическаго океана до Альпъ и что для человечества, если бы оно въ мирное время кружно работало съ такими же усердіемъ, предпріятія въ родѣ прокладанія Панамскаго канала были бы не трудными дѣломъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Бѣжать намъ пришлось подъ дождемъ, хлѣбнымъ послѣдніе дни надъ Варшавой не переставая. Поэтому мы на личномъ экипѣ мѣли убѣдиться, какія затрудненія преодолевали вѣнцы въ своемъ наступленіи. Но шоссе надъ автомобилью подвигался еще довольно успешно. Но какъ только мы сворачивали на проселочныя дороги, колеса безнадежно вязли въ глубокой грязи. Не разъ мы должны были выхолить въ собственныхъ рукахъ вывозающую по грязной экипажу. Между тѣмъ въ Бель-

гии и въ Пруссіи германская армія всю свою артиллерию перевозила на автомобиляхъ. На автомобиляхъ же слѣзуть обычно за вѣчными войсками различныя припасы, походныя кухни и т. п.

На первыхъ верстахъ мы постоянно обгоняли фуры и тѣмъ «бѣженцевъ», возвращавшихся въ свои освобожденные города. Преимущественно то были евреи, составляющіе большинство городского населенія въ центральной Польшѣ. Изъ окошекъ старинныхъ фургоновъ съ высоты тѣлѣтъ, порежженныхъ суп-дуками, воршпами и узлами, смотрѣли на насъ измученныя лица съ выраженіемъ какого-то тупого безразличія. Жиды, охвативъ руками свой жалгіи спарь, безмысленно уставали глаза передъ собой, словно не видя ничего. Старинные евреи съ такимъ же равнодушіемъ сидѣли въ глубинѣ фуръ, какъ деревенскія статуи проповѣдей. Казалось, всемъ было все равно, куда ѣхать и сколько времени идти пути. Жизнь столько ихъ мыкала, что они болѣе не ощущали ея толчковъ. Даже возгласы по обращенію вниманія на гудки нашего автомобиля и по сворачиванію въ сторону. Только черноволосые ребятишки испуганно, но съ любопытствомъ оглядывали и насъ, и все окружающее.

Жизнь уже выработала въ Польшѣ опредѣленные приемы для «бѣженцевъ». При извѣстіи о приближеніи вѣнцевъ къ городу, жители укладываютъ по дорожному все налѣвѣ дѣвное и необходимое, прячутъ остальное въ укромныхъ мѣстахъ, собираютъ все экипажи, какіе только можно достать, набиваются въ нихъ со своими вещами сверхъ мѣры и ѣдутъ, откуда глаза глядятъ, верста за 50—70 въ сторону. Одна находить пріютъ въ осѣдлыхъ городѣхъ у родныхъ или знакомыхъ. Другихъ принимаютъ разныя благотворительныя учрежденія. Третьи, наконецъ, распознанные таборомъ въ первый поспѣваютъ тѣсу. Таборныя учрежденія свое временное управленіе, выставляютъ стражу, дежурящую день и ночь, выбираютъ старостъ, распределяющихъ провизію между всѣми пороту, на коммунальныхъ началахъ, и т. п. Потомъ, узнавъ, что ихъ городъ вновь сталъ «вольнымъ», бѣженцы вновь укладываютъ имущество на повозки, и танцуютъ на родное песенце.

Есть мѣстечки, которыя по два и по три раза пережили такое выселеніе.

Навстрѣчу намъ по пути къ Варшавѣ шли партія вѣнскихъ крессановъ. Разсѣяныя воли подшошкѣ въ галюхѣ-то одневолахъ. Пруссаки, бѣдныя, угрюмыя, ѣхали не поднимая глаза; казались, имъ было мучительно-стыдно своего покоевн. Пѣше шли грузными по 8—10 человекъ подъ козовомъ на-лихъ солдатъ. Мы пробовали на-голаргачать съ пѣвными (конечно, не-Степанъ), но они отвѣчали крайне вежливо, а то и вовсе не отвѣчали. Моимъ товарищамъ хотѣлось пріобрѣсти на-нажать прусскія кашки. Но долгие время никто не соглашался на такой торгъ. Одинъ молодой пруссакъ съ интеллигентнымъ лицомъ обидчиво возразилъ: «Мнѣ моя кашка нужна самому!» и отказался отъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Наконецъ, нашлось два солдата, рѣшившихся на продажу. Они уступили намъ по рублю двѣ кашки съ мѣдными орлами, разноцветными кокардами по бокамъ и надписью: «Mit Gott für Kaiser und Vaterland». Оба эти солдата сдѣлались добровольно. Они отбѣжали отъ своей части, пробуждали нѣдѣлю до въ незнакомой мѣстности и, видя, что имъ не пробрѣтается свои ряды русскихъ войскъ, пошли въ ближайшую деревню, гдѣ попросили накормить себя и сдать русскимъ.

Параллельно съ нами подвигались безоточенныя цѣпи обводовъ и новыя колонны нашихъ полковъ. На привалахъ немаловажно завязывались бесѣды съ офицерами, которые еще продолжали жить исключительно вѣнчатыми недавняго бол. Ни о чемъ другомъ имъ не хотѣлось имъ думать, ни говорить. На-примѣръ, перешитое ими, было такъ велико, что даже на было желанія отдохнуть отъ него, перенесено мыслями въ другія версты. Солдаты, напротивъ, отнюдь болтали о чемъ-нибудь постороннемъ и увлекались разсказомъ о боѣ лишь послѣ того, когда мы ихъ начинали разсрашивать. Съ нѣсколькими солдатами намъ пришлось провести довольно долгое время вмѣстѣ. То были «одиночки», догнавшіе свой полкъ и просившіе ихъ помощи. Такія просьбы мы, конечно, исполняли съ истиннымъ удоволь-

ствіемъ, тѣмъ болѣе, что безхитростно разсказывали всегда очень живо представляли намъ недавнія событія.

Но могу не поминуть здѣсь одного солдата, пробѣжавшаго съ нами почти отъ самой Варшавы до Прушкова. То былъ простой крестьянинъ Могилевской губерніи, но онъ съ большой вдумчивостью отпѣвывалъ все, что было изжито за время войны. Въ свое время онъ «сидѣлъ» всю японскую кампанію, а теперь, прежде чѣмъ по-насть подъ Варшаву, уже побывалъ со своимъ полкомъ въ Пруссіи, пройдя до самаго Лютербурга.

Разумѣется, чѣмъ наши разговоры продолжались около негдѣшнихъ боевъ. Намъ пришлось опять выслушать много разсказовъ и отъ офицеровъ, и отъ солдатъ, о коварствѣ пруссаковъ, о злоупотребленіи бѣлыми флагами, обстрѣлѣ Краснаго Креста и т. д. Объ этомъ все говорилъ съ негодованіемъ, но такъ о чемъ-то общезвѣстномъ, не требующемъ доказательства. Много разсказывали намъ и о подкупѣ, находчивости и мужествѣ отдѣльныхъ лицъ. Но эта война давала намъ уже столько прирѣвъ личной отваги, что, чтобы собрать ихъ все, потребовалось бы писать цѣлыя томы. Въ свое время, замесенные въ семейные зашасы и мемуары, они станутъ общими достояніемъ и любимымъ чтеніемъ молодежи.

Въ одинъ голосъ все наши собесѣдники констатировали неусыхъ вѣнчской артиллеріи. Въ предѣлахъ Польши вѣнчскія орудія оказались гораздо меньше опасными, нежели «у себя дома». Въ Восточной Пруссіи все разсказывали были вѣнцами зарытыя въ землю; два года подъ-рядъ они удерживали тамъ большіе мѣшери и изучили малѣйшія дѣталь мѣстности; огромный штатъ дивизионно-профессионаловъ и добровольцевъ помогали арміи и регулировали стѣлбу батарей. Поэтому въ Пруссіи вѣнчскія артиллерійскія орудія отличались убійственной мѣткостью, и вѣнцы просили за превосходныхъ артиллеристовъ. Въ Польшѣ ата слава значительно померкла.

Доѣзжая до полей битвы, мы всадѣ встрѣчали слѣды артиллерійскаго боя. Деревья, строенія, ограды, — все

носило на себѣ свѣжія раны, нанесенныя стальными чудовищами. Вездѣ видѣлись сокрушенныя балки, обрушенныя кирпичи, пробитые жѣззо или стальными шарами по камню и по металлу, словно отъ легкой побывало огромнаго звѣря. Лѣсъ неподалеку отъ Хойнова весь поклязоченъ артиллерійскими обстрѣлами. Громадные стволы разсѣлены гранатами; съ лѣсохъ гигантовъ снарядами, словно вода, со-арана кора на аршипы и больше; дубы и вязы просверлены пушечными ядрами; молодки какъ-будто перерубаны пополамъ.

Другимъ признакомъ артиллерійскаго боя были обрушенныя деревья. Они вѣшали свободному обстрѣлу, и ихъ безжалостно уничтожили. Прутья было ѣхать по дорогѣ, но обѣими сторонами которой стояли, на равныхъ промежуткахъ, словно толстыя тубы, величавыя ины. Еще недавно здѣсь была тѣлесная земля, она изъ тѣхъ, кто приносятъ особую прелесть пейзажамъ Западнаго края. Теперь дорога сразу обезличилась, не-то обмѣлася, не-то осѣхла. Потребуются цѣлыя столѣтія времени, чтобы вновь пріятѣ ей прежній видъ. Можно мечтать о возсоданіи райскаго собора, но человѣческая воля и все наши труды по влестимъ возсодать столѣтніе вязы, давнѣше тѣмъ нѣсколькимъ поколѣніемъ путниковъ.

Въ другомъ мѣстѣ были срублены и повалены на дорогу обрамляющія ее вѣсны ветви. Словно гигантской силой лежать онѣ, перекинувшись съ одного края на другой. Прежде путь шелъ здѣсь словно въ густой заросли, между двумя зелеными стѣлами, съ однимъ отдаленнымъ провѣтомъ впереди. Теперь стѣла и справа открылись тонкія болотистыя низины. Дорога стала плоской и сухой... За-то чѣмъ была застѣнута, и вѣнцамъ не удалось провезти здѣсь свои тяжелыя орудія на помощь къ обстрѣливаемой нами батарее.

«Артиллерійскія дула» заполняли всю первую половину боевъ подъ Варшавой. Противники стояли такъ далеко другъ отъ друга, что вѣнцы приходилось по картамъ и по компасу. Боролось ожесточенно, не видя одинъ другого. То были дни, когда варша-

вляне, выйдя за заставу, съ тревогой наблюдали, какъ въ темнотѣ небѣ, коды освѣщенномъ заревами, всыхивающіе розоватыя и синіе огни зорнащихся артиллеріи и гранатъ. За сартиллерійскими дулами, заставившими вѣнцевъ отойти отъ самой Варшавы, начался ружейный обстрѣлъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней надо было стѣлать, медленно передвигаясь изъ окопа въ окопъ, опять не видя врага въ лицо. Нашимъ солдатамъ раздражалъ такой бой «въ темноту». Разсказывалъ о пережитомъ, они жаловались только на эти темнотыя часы въ ожиданіи «настойчаго» боя, когда лишь одна старіе офицеры знали, что именно происходить. Случая эти назвали жадобой, и повольно вспоминали героя дерзновеннаго «Бородина», который тоже негодовалъ:

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ. Что толку въ такой бездѣлкѣ?

Не смѣютъ, что ли, командиры Чужіе провать мушкетеры О русско-го штаны!

Суворовская традиція оказалась живою въ нашей арміи, и наши солдаты до сихъ поръ «кудѣ-дурѣ» предпочитаютъ «штыкъ-моладцы».

— Офицеры, ваше благородіе, не пускаютъ, а те бы мы ихъ (т. е. вѣнцевъ) живо проучили! — говорилъ мнѣ на передовыхъ позиціяхъ одинъ солдатъ еще въ первые дни боевъ.

И былъ случай, не дожидаясь командъ, увлекая другъ-друга оглушительнымъ «ура», бросались впередъ, добгали подъ огнемъ, сражавшимся направо и налѣво, до неприятельской кошии или даже батарей и дѣйствительно «амбивали» вѣнцевъ. Въ штыки нѣсколько разъ переходили при Несячпой. Штыками были взяты обратно Тарчизъ и Гройцы, въ Гройцахъ бились въ рукопашную да-ва на уличѣ (единственной въ городѣ) и въ домахъ, гдѣ вѣнцы пытались за-баррикадироваться столами и снамѣками.

— И колешь, и выѣшь стѣляешь, — разсказывалъ мнѣ съ восторгомъ одинъ молодой солдатъ, но въ словахъ его не было никакой жестокости: его увлекало не самое убійство, а возможность проявить, наконецъ, личную храбрость и силу.

Только внимательно осматривъ поля битвы, можно представить, съ какой тщательной обдуманностью дѣйствовали вѣнцы. Планъ вѣхъ ихъ оловъ въ Варшавской губерніи былъ бѣ-вѣротно; весьма поучителенъ для военнаго техника. Многія сооруженія возведенныя на-показъ: геометрически-правильныо выравнены края окоповъ, прочно, какъ бы на долгіе годы, устроены прикрытія; съ суровымъ вкусомъ обрѣзаны углы фортовъ. Можно любоваться этой солидной и по-стому красивой работой. Выбѣтъ съ тѣмъ окопы были расчитаны такъ, что давали возможность подъ прикрытіемъ и подниматься впередъ и отступать. При такихъ условіяхъ, постоянно подъ охраной блиндажей и при поддержкѣ артиллеріи, совершался, наприрѣзъ, отходъ нѣмцевъ отъ Прушкова къ Вломы. Наконецъ, внимательныо были исполнены вѣнцами все находившіеся въ районѣ строенія: попоны, обращенныя къ форту съ бойницами, ограды, сѣ-чавшія крѣпостными стѣнами, мельницы и т. д.

Ничто однако не опасало вѣнцевъ отъ пораженія. Наши передовые отряды, посмотри на значительное численое неравенство, задержали наступленіе до подхода главнѣхъ силъ. Вновь прибывшій войска, проводившія иногда нѣсколькостутокъ въ переполненныхъ вагонахъ и совершившія трудный ночной переходъ подъ дождемъ, являлись на поле битвы бодрыми и готовыми на любой подвигъ. Солдаты покорно выжидали свое время; подъ огнемъ, на позиціяхъ, вѣли пере-стрѣлку, стоя по колѣни въ холодной волѣ, и въ концѣ концовъ рѣшали борьбу «штыковымъ ударомъ».

Воздаемъ должное вождямъ нашей арміи. Наша стратегія нашла себѣ высокую оцѣнку у западныхъ авторитетовъ, во Франціи, и въ Англіи. Но признаемъ, что главнѣй основой нашихъ побѣдъ все-же былъ русскій солдатъ. Героическое нашествіе на Варшаву разбитою обѣ его выносливостію и мужествомъ, обѣ его вѣру въ свое дѣло и готовность за него умереть.

Валерій Вросовъ.

(Варшава, 11-го октября.